

Ресурсное проклятие и экономический рост

Одним из сдерживающих факторов экономического прогресса считается «ресурсное проклятие». Идея «ресурсного проклятия» была впервые выдвинута в 1993 году английским экономистом Ричардом Оти (Richard Auty), который в своей книге «Как поддержать развитие сырьевых экономик: гипотеза ресурсного проклятия» на примере Перу, Боливии, Ямайки, Чили, Замбии и Папуа Новой Гвинеи развенчивает популярный тезис о том, что для успешного экономического развития страны нужны сырьевые ресурсы. Быстро подхватив идею, известные американские экономисты Джеффри Сакс (Jeffrey Sachs) и Эндрю Уорнер (Andrew Warner) в исследовании 1995 года подтвердили тезис Оти на статистических данных 1971–1989 годов: ими было установлено, что в этот период страны с большей долей сырья в экспорте, развивались медленнее, чем те, где эта доля меньше. Сакс и Уорнер также продемонстрировали, что в исследуемый период отрицательные темпы роста ВВП на душу населения умудрились показать многие экспортеры нефти – Бахрейн, Ирак, Катар, Кувейт, Ливия, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия. Еще в одном исследовании было показано, что в 1990-е в случае африканских стран негативно сказывалось на экономическом росте наличие месторождений алмазов, так как в богатых этим сырьем странах происходило больше вооруженных конфликтов.

«Ресурсное проклятие» часто называют «голландской болезнью» – так была озаглавлена статья журнала «Экономист» от 26 ноября 1977 года, которая объясняла упадок в промышленном секторе Нидерландов обнаружением большого месторождения природного газа в 1959 году. Выражение вошло в обиход.

Базовый экономический механизм «ресурсного проклятия» прост: сверхприбыльный сектор экономики за счет возможности гарантировать более высокую отдачу на капитал и заработную плату «перетягивает одеяло на себя», под «одеялом» здесь я понимаю инвестиции и рабочую силу. (Но война и «лучшие друзья девушек» – это несколько другое.)

С годами «ресурсное проклятие» стали понимать шире, чем пагубное влияние на развитие экономики страны именно наличия природных ресурсов. Идею распространили на подавляющее доминирование одной отрасли, не обязательно связанной с добычей сырья, но столь прибыльной, что она подавляет развитие других секторов. Например, это характерно для наркобизнеса, который в экономическом смысле есть гибрид сельского хозяйства и контрабанды. Примером «ресурсного проклятия» можно считать возделывание в 1970-е опиумного мака странами «Золотого треугольника» – географическая зона на стыке Таиланда, Мьянмы (Бирмы) и Лаоса. Ныне их место в «мировом разделении труда» занял Афганистан, который дает 90% всего производства опиума в глобальном масштабе. Выращивание мака для производства опиума настолько рентабельнее производства пшеницы и других сельхозкультур, что ими поля попросту не засеваются. Согласно данным Всемирного банка, производство мака дает 80% (!) доходов сельского населения страны, доля опиатов в ВВП – 20–30%, они же составляют подавляющую часть экспорта (около 3,4 и 2,8 млрд долл. в 2008 и 2009 годах соответственно, тогда как легальный экспорт в 2008–2009 годах оценивается в 270–600 млн, и это сильное падение с уровня начала 2000-х). А ведь в былые годы, до всех войн, на мировом рынке очень ценились афганские абрикосы, которых выращивалось более 100 сортов, гранаты, виноград, миндаль, срезанные цветы, на страну приходилось до 20% мирового экспорта изюма. Экспортировалось и зерно.

Вполне возможно, что своеобразным «ресурсным проклятием» стал экспорт мяса для Аргентины в конце XIX – первой трети XIX века. Природные условия для мясного животноводства в стране идеальные: обширные зеленые луга – пампасы, нет суровой зимы и необходимости заготавливать сено, держать скот в хлеву (то есть строить его и обогревать), стадо может просто пастись; летом же не столь жарко, чтобы трава выгорала. Себестоимость производства баранины и говядины в Аргентине (наряду с Новой Зеландией и Австралией) одна из самых низких в мире. Изобретение судна-рефрижератора выводит страну в мировые экономические лидеры. В 1880-м отсюда отправляется первый корабль, груженный замороженным мясом, и за 30 лет страна становится крупнейшим его экспортером после США. В Аргентину начинают прибывать поселенцы, которым бесплатно раздают земли – только возделывайте, и население за 50 лет растет в 5 раз – с 2,5 до 12 млн человек. С 1880 по 1905 год ВВП увеличивается в 7,5 раз. Этот показатель на душу населения достигает 80% от уровня США и становится сопоставимым с уровнем Франции и Германии. Страна выходит на 7 место в мире по благосостоянию. Но дальше тупик. Военный переворот 1930 года, диктатура Хуана Доминго Перона в 1946–1955 годах, ошибки в экономической политике, в частности масштабная национализация, отбрасывают Аргентину назад. На сегодняшний день по темпам роста ее обскакала даже соседняя, не менее коррумпированная Бразилия: подушевой ВВП, который в 1900-х в Аргентине был в шесть раз выше, теперь превышает бразильский лишь на 80%! А разрыв с Францией, Германией и США составляет 2–3 раза.

Впрочем, я не берусь утверждать, что если бы над страной не висело «ресурсное проклятие», то не случилось бы военного переворота и развитие пошло бы по совсем другому пути. Также совсем не очевидно, что при сохранении демократии экономический рост был бы выше. Яркий пример торжества демократии, которое привело к экономическому упадку, – это приход к власти в ЮАР в мае 1994 года Нельсона Манделы. Страна, занимавшая в 1993 году 53 место в мировом рейтинге ВВП на душу населения (по версии МВФ), к 2010 году оказывается на 77-е. И это при том, что экономика ЮАР сырьевая, а добыча сырья – это не хайтек, это та отрасль, которую проще всего развивать в странах с нехваткой квалифицированной рабочей силы.

Но вернемся к главному. В прошлые века разновидностью «ресурсного проклятия» являлось и доминирование на море и контроль над важными торговыми путями. Со времен Средневековья и по XV век включительно торговля между Западом и Востоком контролировалась арабами, которые имели с нее три, а то и больше «концов». Ими были монополизированы экономические связи между производящим Востоком (Индией, Китаем) и потреблявшей Европой, напрямую с которой торговала только граничившая Византия. Арабские купцы плавали на Восток до Цейлона уже в I веке до н.э., а к VI н.э. установили фактическую монополию на торговлю с Китаем. Малой кровью – просто европейцы путь в Китай пока не нашли. Арабы везли золото, слоновую кость и алмазы из Индии, шелк и фарфор – из Китая, и сделали Багдад самым важным коммерческим центром в мире.

Что же представляла собой экономика арабских халифатов во время их торгового доминирования? Ответ находим в «1000 и одной ночи». Во-первых, из «Сказки о Синдбаде-мореходе» становится понятна рентабельность заморской торговли: стартовый капитал купца Синдбада составил всего «три тысячи дирхемов», стоимость трех дешевеньких рабынь, но вернувшись в Багдад из первой «ходки», он покупает себе «слуг, прислужников, невольников, рабынь и рабов», накупает «домов, земель и поместий», а после шестого «мирового турне» Синдбада принимает сам халиф и оказывает «великое уважение»; к этому времени купец уже снаряжает собственные корабли.

Во-вторых, обнаруживаем, что экономика халифатов – один сплошной базар. В медном городе («Повесть о медном городе») пять рынков: главный городской – розничный, куда ходят местные за снедью, и четыре специализированных оптовых (драгоценных камней, шелковый, москательщиков – там торгую благовониями – и меняльный, лавки которого полны золота и серебра). Повсюду невольничьи рынки. А есть ли реальное производство? Чем заняты герои сказок, кто они по должности или профессии? Полно эмиров, халифов, царей, визирей, их слуг, еврейских менял, арабских и персидских купцов – каждый немного купец, тучи невольников и невольниц; встречается ювелир, но он торговец, хозяин лавки; есть врачи, портные, цирюльники, уборщик на скотобойне – эти, выражаясь современным языком, заняты в секторе услуг, а услуги не могут быть предметом экспорта-импорта. Занимающихся «производством» единицы: один рыбак (в «Сказке о рыбаке Халифе»), но ловля рыбы даже не ремесло, а промысел, да и товар его только для местного рынка; один кузнец («Рассказ о кузнеце»), один башмачник («Рассказ о Маруфе-башмачнике»), который лишь починал обувь, но утомился этим и заделался купцом, как и все. Где же кустари-ремесленники? Может, сказителям про них не интересно? Нет, просто все производство сосредоточено в Византии, Индии и Китае. Мало что изменилось и сейчас, только источником ресурсного проклятия для арабских стран служит теперь нефть.

Прорыв европейцев в восточную ойкумену в начале XVI века – это заслуга португальских мореплавателей. Португальцы, по всей видимости, из-за географической близости, первыми догадались создать форпосты на Гвинейском берегу Африки. В XIV веке они наладили доставку золота с рудников Нубии – а это основной источник золота для Европы и Азии в те времена – морским путем. Позднее португальцы стали пионерами торговли рабами с черного континента, коих они доставляли в Америку, быстрая колонизация которой после ее открытия требовала завоза рабочей силы. Бизнес португальцев был очень рентабельным, и за ними последовали испанцы, англичане, голландцы, французы. В 1497 году мореплаватель Васко да Гама стал первым европейцем, который, морским путем в обход Африки достиг Индии. Местный индийский раджа встретил португальцев благожелательно и разрешил построить большую факторию. Господство португальцев на море в XVI веке и доминирование в торговле с Индией привело к тому, что другие отрасли экономики в самой стране были заброшены. Французский экономист XIX века Огюст Бланки отмечал, что к моменту потери превосходства над другими европейцами на море, в которое было отнято испанцами, сельское хозяйство умерло: поля в стране уже не возделывались. В результате экономический кризис был очень тяжелым.

Для испанцев, сменивших португальцев в господстве на море, ресурсным проклятием стала добыча золота в Латинской Америке. В 1492 году Христофор Колумб достигает Вест-Индии, и вскоре начинается колонизация континента. В 1520–1530-х годах Франциско Писарро, испанский конкистадор, базировавшийся к тому времени в Панаме, организует морские экспедиции в Перу – страну инков, которые заканчиваются ее завоеванием в 1532-м. Инки повержены, верховный Инка, Атагуальпа, захвачен в плен. Инки сами приносят и сдают золото, чтобы выкупить своего вождя (но того все равно казнят). Золотые изделия переплавляются, чтобы не возить воздух, и в виде слитков доставляются в Испанию. К тому времени, когда золото инков истощается, испанцы налаживают его добычу на рудниках. На страну сыплется золотой и серебряный дождь: в XVI веке из Нового Света в Испанию было переправлено столько золота и серебра, что в конце столетия запас этих металлов превысил уровень 1492 года в пять раз. Однако страна сама ничего не производит: «Крестьяне забросили плуги, оделись в шелка, их прежде мозолистые руки стали мягкими», – пишет Сервантес в «Дон Кихоте», где описаны экономическое запустение и праздная жизнь Испании времен «ресурсного проклятия». Пять шестых всего объема грузов,

отправляемых из Испании в ее американские колонии, – это товары иностранного производства. Почти весь золотой запас страна тратит на покупку во Франции предметов роскоши. Франция как их производитель поднимается именно за счет испанского спроса (и сохраняет это свое место в мировом разделении труда по сей день). А что касается испанцев, то после 1610 года резко идет на убыль золотой, а после 1630-го – и серебряный поток. Страна теряет и господство на море – оно переходит к голландцам, а затем англичанам. В экономическом отношении Испания оказывается европейским вторым эшелонem, и ничего не меняется вплоть до XXI века.

Таковы яркие, но отдельные примеры. Между тем, строгих научных доказательств существования всеобщего экономического закона «ресурсного проклятия» нет. Во-первых, так и не выявлены причинно-следственные связи между доходами от экспорта ресурсов и динамикой ВВП в тех экономиках, где отрицательная зависимость имеет место. Во-вторых, «проклятие» поражает отнюдь не все страны, а в основном те, где слабы политические институты.

Это может быть связано с тем, что в странах, где демократия развита слабо, появление крупных доходов из «воздуха», может приводить к отсрочке назревших реформ. Так, Егор Гайдар в своей книге «Гибель империи. Уроки для современной России» утверждает, что в СССР открытие крупных нефтяных месторождений в Западной Сибири в конце 1960-х годов привело к отмене намеченных было «косыгинских» экономических реформ, вызванных снижением к началу этого десятилетия уровня жизни населения и массовыми забастовками и протестами рабочих. Поток валютных ресурсов от продажи нефти позволил остановить нарастание кризиса продовольственного снабжения городов, увеличить закупки оборудования, потребительских товаров, стабилизировать политическую ситуацию. Между тем, в начале 1980-х цены на нефть на мировом рынке падают, а темп роста добычи нефти в СССР замедляется – фокус был на разработке нескольких крупных месторождений, почти полностью выработанных к тому времени. В 1985 году добыча в натуральном выражении сокращается сразу на 10%, а цены на нефть на мировом рынке в 1985–1986 годах падают в несколько раз. Нет возможности поддерживать внешнеторговый баланс, способность обслуживать внешний долг, закупать десятки миллионов тонн зерна в год, сохранять стабильность на потребительском рынке, финансировать армию и ВПК. В итоге распадается и сама страна. По мнению Гайдара, даже не будь нефтяного шока, она прекратила бы существовать в прежнем виде все равно – из-за накопившееся проблем, ведь наличие ресурсов – недостаточно надежный фундамент для того, чтобы сохранить последнюю империю.

Получается, что не суть важно, есть «ресурсное проклятие» или нет. Ведь ответ на этот вопрос мало что меняет для ответа на другой, более важный и актуальный для нашей страны: нужно ли уходить от сырьевой ориентации экспорта. Один мой приятель, посетивший международную конференцию по нефти и газу, рассказывал, как на ней докладчику из Саудовской Аравии задали вопрос о том, зачем его страна развивает нефтеперерабатывающую и нефтехимическую промышленности в столь неблагоприятных климатических и природных условиях, ведь гораздо проще гнать на экспорт сырую нефть. Тот ответил: «Каменный век закончился вовсе не потому, что камней стало не хватать».